

АНГЛИЙСКАЯ ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА 1926 г. В ОЦЕНКЕ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Слабая изученность массовых настроений в первое десятилетие правления большевиков обуславливает необходимость исследования исторического опыта взаимодействия власти и общества в отношении наиболее значительных исторических событий, каковым для СССР являлась Всеобщая стачка 1926 г. в Англии.

Материалы и методы. В основу статьи положены материалы ряда региональных архивов (Брянска, Калуги, Смоленска) и опубликованные источники из Центрального архива ФСБ, что позволило исследовать не только формирование образа английской стачки 1926 г. советской пропагандой, но и представления о ней населения.

Результаты. Исследование показало, что формируемый образ Всеобщей стачки 1926 г. в Англии как подтверждение кризиса капиталистической системы оказался не совсем удачным. Несмотря на огромные ресурсы, направленные на ее поддержание со стороны советского правительства, стачка потерпела поражение и у населения Советской России появилась масса вопросов к советской власти; у многих возникла надежда на ее крушение.

Выводы. Изучение реакций населения СССР на формируемый образ Всеобщей стачки позволило уяснить, что люди не совсем безрассудно воспринимали агитационно-пропагандистские мероприятия властей. Девятилетнее правление большевиков давало многим повод критически осмыслить итоги их деятельности.

Ключевые слова: Англия, власть, большевики, СССР, население, представления, стачка.

М. V. Bryantsev

THE ENGLISH GENERAL STRIKE OF 1926 IN THE VIEW OF THE POPULATION OF SOVIET RUSSIA

Abstract.

Background. The lack of knowledge of mass attitudes in the first decade of the reign of the Bolsheviks necessitates the study of historical interaction between the government and the society in relation to the most significant historical events, which for the USSR was the General strike of 1926 in England.

Materials and methods. The article is based on inputs from a number of regional archives (Bryansk, Kaluga, Smolensk) and published sources from the Central Archive of the FSB, which allowed us to explore not only the formation of the image of the English strike of 1926 by the Soviet propaganda, but the population's attitude to it.

Results. The study showed that the formed image of the General strike of 1926 in England, as a proof of the crisis of the capitalist system, were not entirely successful. Despite enormous resources devoted to its support by the Soviet government, the strike was defeated and the population of the Soviet Russia had a lot of questions to the Soviet power; many had hopes for its downfall.

Conclusions. The study of the reactions of the Soviet population to the generated image of the General strike helped to understand that people didn't quite foolishly perceived propagandistic activities of the authorities. The nine-year rule of the Bolsheviks gave many a reason to comprehend critically the results of their activities.

Key words: England, power, Bolsheviks, Soviet Union, population, presentation, strike.

4 мая 1926 г. в Англии началась Всеобщая стачка, продолжавшаяся девять дней и охватившая рабочих железнодорожной, транспортной системы, сталелитейной промышленности и ряда других. Наиболее настойчивыми в своих требованиях оказались горняки, профсоюз которых лишь 3 сентября 1926 г. выразил согласие вступить в переговоры с предпринимателями относительно возможности снижения заработной платы при условии, что общенациональная схема заключения коллективного договора останется неприкасаемой. Однако Ассоциация углепромышленников, настаивавшая на переходе к порайонной системе договоров и поддерживаемая в этом правительством С. Болдуина, ответила отказом. И только в конце ноября 1926 г. семимесячная забастовка горняков была прекращена [1].

Это событие, произошедшее в тот момент, когда среди советских лидеров шли бурные споры о судьбе капитализма после поражения «германского Октября» в 1923 г., вызвало особый интерес. Именно тогда появились первые публикации, посвященные описанию случившегося в Англии [2, 3]. В последующие годы забастовка в Англии 1926 г. становилась предметом научного исследования в СССР [4]¹.

В постсоветское время было опубликовано несколько работ, рассматривающих различные аспекты событий 1926 г. Однако представления населения об этом событии не стали предметом исследования [1, 4]. В этой связи представляет большой научный интерес не только процесс формирования советскими властями образа всеобщей стачки 1926 г., но, как мне кажется, и реакции на него населения.

В 1925 г. в Англии стали проявляться негативные последствия мероприятий правительства С. Болдуина в финансовой сфере. Возникла прямая угроза снижению жизненного уровня горняков в связи с остановкой и закрытием шахт. В противостоянии шахтовладельцев и горняков Генеральный совет Британской конфедерации труда (БКТ) занял решительную позицию, отказавшись от каких-либо уступок в пользу предпринимателей [1].

Наращение противоречий в Англии позволило Политбюро в начале марта 1926 г. обсудить поставленный Г. Зиновьевым вопрос «Об английских горняках». Здесь обращалось серьезное внимание на возможность разгорания конфликта. В этой ситуации Политбюро приняло решение об информировании английских коммунистов о том, что в случае обострения ситуации «они могут рассчитывать на помощь рабочих организаций СССР в размере одного миллиона рублей». Спустя два месяца, 4 мая, было принято решение об ассигновании Генсовету 250 000 рублей от ВЦСПС (как первый взнос) и о начале кампании по отчислению $\frac{1}{4}$ дневного заработка рабочих и служащих. В этот же день решением Политбюро для созыва конференции европейских

¹ Не случайно именно в эти годы в СССР была переведена работа Дж. Мэррей «Всеобщая стачка 1926 г. в Англии: Исторический очерк» (М., 1954).

коммунистов в поддержку кампании солидарности с английскими стачечниками была создана комиссия М. Томского [5, с. 115, 117, 119; 6, с. 595].

Уже 7 мая в адрес Генсовета было перечислено, по предложению Сталина, Молотова и Догадова, 2 млн руб. [5, с. 120]. Однако английский профсоюз, не желая дискредитировать себя связями с Коминтерном и СССР, отказался принимать направленные в его адрес деньги. Но 15 мая менее принципиальный генеральный секретарь Федерации горняков Англии А. Кук обратился в ВЦСПС с просьбой о переводе собранных в СССР и не принятых Генсоветом денег в распоряжение Федерации горняков [7, с. 145]. В этот же день Политбюро приняло текст телеграммы на имя председателя Федерации горнорабочих Англии Смита и генсека федерации Кука, где сообщалось о том, что рабочими СССР было собрано 2,6 млн руб. на помощь английским рабочим. От имени V съезда горнорабочих Советского Союза эти деньги предлагались английским стачечникам [5, с. 125].

Отказ Генсовета от советских денег вызвал у советских граждан разную реакцию. Некоторой частью живущих в СССР развязанная советским руководством агитационно-пропагандистская кампания и упорное навязывание правительством своей помощи английским рабочим были расценены как стремление советских коммунистов «купить забастовку». С определенным злорадством и надеждой один из крестьян Смоленской губернии заявлял: «Это им (советским властям. – М. Б.) не удалось и не удастся, все равно все-му этому будет конец, сколько они не промотаются, все-таки Соввласти не будет». Служащие Сычевского кредитного союза возмущались тем, что рабочие Англии не приняли деньги, а советское правительство все равно продолжает собирать их: «Они в наших деньгах не нуждаются и вообще не стоит их принимать, а мы тут стараемся» [8, л. 365, 408].

Слышались и «насмешки по поводу отказа английских профсоюзов от нашей поддержки». В Калуге, как отмечалось в сводке, среди «обывателей во всех общественных местах – площадях, садах и проч.» – говорили, что «под видом поддержки английских рабочих советское правительство пытается пополнить свою казну» [9, л. 441]. В ситуации давления на население со стороны власти люди упорно искали двойную подкладку в действиях своего правительства. Люди не верили в то, что деньги идут по адресу. Так, в мае 1927 г. в чайной г. Калуги маляр вагонного цеха И. П. Борисов говорил: «Наши рабочие собирали гроши для бастовавших Английских горняков, но наши деньги по адресу не попали, так как их не пропустили через границу, да в них особенно и не нуждались» [10, л. 101].

Понимание того, что английским забастовщикам не столь важна была финансовая помощь, имело место среди наиболее образованной части обывателей. В частности, об этом среди своих коллег заявлял учитель Равельской школы Смоленской губернии Д. М. Иванов, полагая, что «лучше бы эти деньги пустить на нужды Сов[етских] Республик», так как английские рабочие, зная о бедности русского народа, которому «подчас нечем засеять поля», отказались от помощи [8, л. 315].

Попытки советских властей придать событиям в Англии политический характер породили среди части населения надежду и возродили веру в возможность свершения там победоносной революции. При чтении газеты «Правда» среди крестьян Ярцевской волости Смоленской губернии один из

слушателей, неграмотный бедняк, заявил: «Вот – если бы еще французы сделали, да немцы, тогда бы нам совсем бы хорошо было бы жить, мы бы тогда ни одного черта не боялись» [8, л. 314, 315]. Оптимистические настроения встречались и среди некоторой части красноармейцев и командиров Красной армии. По сведениям политуправления Белорусского военного округа, некоторые командиры, сомневаясь в опасности войны, заявляли: «Так ли опасна для нас война, если в результате ее к нам присоединится быть может не одна сов[етская] республика» [11, л. 265].

Эту убежденность транслировали и партийные руководители самого разного уровня. В частности, представитель ЦК ВКП (б) С. Косиор, выступая на XIII Брянской губернской партийной конференции, заявлял, что для западных рабочих были характерны революционные настроения, особенно подчеркивая симпатии английского рабочего класса к СССР. Мировая революция виделась ему как многогранный процесс, первым шагом которого явились события в Англии, Китайская революция, восточный вопрос и др. [12, л. 25–26]. Несомненно, часть представителей официальных властей и населения СССР была настроена воинственно и готова была пойти на открытые военные действия ради раздувания пожара мировой революции. Такие настроения не были случайными: агрессивность внешней политики СССР выливалась и на страницы ведущих советских изданий. По подсчетам Дж. Брукса около 20 % газетного пространства «Правды» и «Труда» и до 36 % «Крестьянской газеты» было отведено под статьи, описывающие враждебные акты или агрессивное поведение на международной арене, что создавало одномерную картину жизни за рубежом [13, р. 1442]. Только в июле 1927 г. Политбюро дало указание прессе проявлять большую сдержанность при освещении внешнеполитических событий, ей было рекомендовано не «раздувать отдельных, хотя бы и опасных, явлений во внутренней жизни... и сообщать о них с максимальным спокойствием» [6, с. 610].

Массированное давление советской прессы на население вызывало и обратную реакцию у некоторой его части – недоверие к сведениям, сообщаемым газетами, в том числе и в отношении забастовки. Так, некоторые крестьяне Ярцевской волости Смоленской губернии говорили при чтении «Правды»: «Что нам слушать, они будут всякую ерунду пороть, писать можно все, что угодно, но на деле не то». Скептическое отношение отмечались и среди крестьян Тумановской волости Вяземского уезда. Крестьяне формировали собственное представление о происходящих событиях, не поддаваясь на официальную пропаганду, считая, что коммунисты не правы, а потому и потерпели поражения, что «в Англии народ больше придерживается старых порядков» [8, л. 314, 315].

Атмосфера недоверия людей к властям порождала сомнение в сообщениях советской прессы об истинных целях забастовки. Попытка руководства придать политическую окраску событиям в Англии не находила понимания среди граждан СССР, которые не могли уяснить, во имя чего английские рабочие хотят отказаться от своих демократических завоеваний. Некоторые служащие Смоленской губернии говорили: «Какая им нужна революция, когда каждый английский рабочий является участником предприятия, участвует в прибылях, живет не хуже наших комиссаров» [8, л. 408]. Один из рабочих Старьской фабрики в Брянской губернии, бывший эсер, выражал свое

неверие в то, что такая «свободная страна», «как Англия, захочет превратиться как наша, где процветает “эксплоатация”» [14, л. 9].

Мотивом, не позволявшим надеяться на положительный исход борьбы в Англии, для части крестьян было мнение о том, что буржуазия не позволит коммунистам сделать «как у нас в СССР», «там крестьяне против рабочих, да и зачем крестьянину идти, когда рабочему живется хорошо» [8, л. 315]. Такое вмешательство Англия не потерпит и объявит СССР войну, которая поможет «стереть эту свору, которая правит государством». В этой среде зрело мнение, что Англии бояться нечего, «она нас бить не будет», говорили люди, пострадавшие только коммунисты и их приближенные. Они были не прочь «в тылу ей помочь для ускорения расправы с ними». Это та часть населения СССР, которая была готова подчиниться свободной и культурной Англии ради избавления от коммунистов [15, л. 74; 16, с. 597].

Свое отношение к стачке как экономическому явлению выражала и образованная часть провинциального общества. Среди интеллигенции г. Ярцево Смоленской губернии мнение о неполитическом характере забастовки подкреплялось отказом англичан принять деньги от СССР. Оно подкреплялось тем, что при угрозе революции в Англии вмешались бы иностранные войска «и особенно вмешалась бы Америка, которой Англия очень много должна». Один из служащих заключил: «Английские рабочие не захотят революции, так как им сейчас живется не хуже, чем рабочим в России, и что, мол, о революции могут говорить только в России, услаждая себя такими надеждами» [8, л. 408].

Отказ английских рабочих от радикальных мер объяснялся возможной потерей колониальных владений, что осознавалось ими как вероятное снижение их жизненного уровня. Об этом говорил учитель вечерней школы г. Вязьмы Н. В. Глубоков среди своих коллег, которые отмечали высокий уровень жизни не только английских рабочих, но и безработных, которые получают больше, чем учителя СССР [8, л. 407].

Забастовка горняков, боровшихся за сохранение семичасового рабочего дня и повышение заработной платы, для многих рабочих стала предметом размышлений о своем положении в пролетарском государстве. Некоторые из них высказывали мысль о том, что они должны поступить также, как и их английские собратья. В частности, об этом говорил один из прядильщиков на Фряновской шелкопрядильной фабрике Московской губернии [17, с. 736]. Рабочий брянского завода «Профинтерн» Мельников, бывший эсер, член ВКП (б), бригадир паровозоборочного цеха, прямо призывал рабочих объявить забастовку «на почве низкой заработной платы и несвоевременной выдачи последней» [14, л. 9].

Сокращение зарплат служащим и одновременный сбор средств в пользу забастовщиков вызывал озлобление и резкую критику советских порядков. В частности, приходило осознание деспотизма советской власти. В Вязьме счетовод Архипов заявлял: «Все говорят про забастовку в Англии, там хоть бастовать дают, не работай и только, а попробуй у нас забастовать, то если не посадят в тюрьму, так расстреляют наверняка, такого деспотизма, как у нас, нигде нет». Некоторые служащие, впавшие в отчаяние после сокращения зарплаты, готовы были «сделать забастовку, как в Англии, или взять метелку, да гнать наши верхи в шею, а то скоро жить нельзя будет» [8, л. 406–407].

Следуя примеру английских рабочих, крестьяне Барабинского, Иркутского и Златоустовского округов призывали к бойкоту сбора налога. В Ленинградской губернии раздавались осуждающие голоса, заявлявшие, что у нас слишком много денег уходит на содержание «двух аппаратов – Советов и партии», а посему «у нас нет денег для помощи рабочих других государств» [18, с. 925, 998].

Некоторые граждане СССР поднимались до осознания того, что помощь СССР революционному движению в лице Коминтерна и поддержка различного рода революционных процессов в других странах является разорительной для экономики страны. В Козельском уезде Калужской губернии крестьянин (бывший левый эсер) заявлял, что огромные деньги в СССР расходуются на шпионов и агентуру, которые идут за рубеж под видом помощи Англии и Китаю [9, л. 711].

Вина СССР в ухудшении отношений с Англией была для многих очевидной. Вероятно, среди этой части населения и возник слух о том, что Англия разорвала торговые отношения с СССР потому, что «в нагруженном в Архангельске пароходе с кожами была обнаружена коммунистическая литература, которая нелегально должна была попасть в Англию». Люди высказывали опасение, что вслед за Англией «никакие державы с нашим союзом торговать не хотят», а в Рославльском уезде Смоленской губернии прямо указывали на то, что «забастовка, происходящая в данный момент в Англии, устроена на советские деньги и Коминтерн на этой забастовке имеет руководящую роль. Рабочие Англии подкуплены» [8, л. 314, 404].

Вновь, как и ранее, правительство СССР использовало ситуацию для очередных сборов средств с населения. Насколько население добровольно пошло на отчисления из своих скудных зарплат, трудно говорить. Вообще в официальных материалах отмечался энтузиазм, с которым население откликнулось на предложение о помощи английским забастовщикам. Так, в отчете Смоленского верхне-городского райкома ВКП (б) говорилось: «Рабочие массы с большим подъемом отозвались на призыв профсоюзов о поддержке бастующих рабочих Англии» [19, л. 255 об.]. О добровольности 1 % отчислений говорили рабочие Людиновского и Песоченского заводов Брянской губернии. Об этом же сообщали из Ярцево, где рабочие прядильно-ткацкой фабрики не только приняли решение об отчислении однодневного заработка, но и добровольно по подписным листам собирали дополнительные средства. Аналогично отнеслись к сбору средств рабочие Богдановского фанерного и Дятловского лесопильного заводов Смоленской губернии. На собраниях, посвященных английским событиям, рабочие вносили предложения о помощи английским забастовщикам, в результате чего на Богдановском заводе отчислен полудневной заработок, а на Дятловском – однодневный. Характерно то, что на собрании рабочих последнего завода местком, как и на Ярцевской фабрике, предлагал отчислить полудневной заработок, но большинство высказалось за отчисление однодневного заработка [8, л. 282; 14, л. 13], в результате чего к августу 1927 г. было собрано профсоюзами Смоленской губернии около 28 тыс. рублей [20, л. 38].

Но все же население с большой неохотой расставалось со своими скудными и весьма ограниченными средствами, и только единицы были готовы протестовать против сборов в пользу английских рабочих. Так, машинист

Вяземской электростанции на собрании выступил против отчисления процентов английским горнякам, говоря: «Лучше эти деньги отдать в пользу беспризорных, чем английским рабочим, так как мы сами во всем нуждаемся». Несмотря на то что информатор отметил отсутствие поддержки со стороны рабочих, вероятно, многие из присутствующих были солидарны с выступавшим товарищем [21, л. 47]. В частности, это подтверждает случай на собрании Единого потребительского общества при селе Лапухино Калужской губернии, где выступивший крестьянин Сидорин был поддержан остальными в нежелании помогать английским забастовщикам. Как признается информатор, «присутствующим членам ВКП (б) с трудом удалось провести 25 руб. отчисление» [9, л. 1098].

Некоторые недовольные отчислениями английским забастовщикам голосовали против резолюций на общих собраниях. Так, в Механическом цеху завода «Профинтерн» Брянской губернии четверо рабочих осмелились открыто голосовать против резолюции общего собрания об отчислении в пользу английских забастовщиков 1 % заработка до окончания забастовки. Однако и среди тех, кто поддержал резолюцию, многие делали это по принуждению, что следует из вопросов, задаваемых на собрании.

По другим цехам были единичные настроения за добровольное отчисление (кто сколько может) [18, л. 13].

Отрицательное отношение к сборам высказывали служащие, жившие на свои небольшие оклады. В Демидовском уезде Смоленской губернии учительница Главковской школы, узнав, что прибавка к жалованию была только за первую половину, сказала: «Подумаешь, там взбунтовались рабы, а с нас сорвали здесь однодневный заработок, мы возмущены и дадим только четверть при получении за вторую половину» [8, л. 364].

Неодобрение слышалось и в крестьянской среде. На собрании в деревне Панкино Ярцевского уезда из толпы слышались выкрики: «Мы тут сами сидим голодом, а английским буржуям помогаем». Буржуями на этом собрании назывались рабочие, которые, по мнению присутствующих, в Англии живут лучше, чем наши бывшие буржуи. Всякие попытки переубедить крестьян заканчивались провалом. Крестьяне опирались на свой опыт и заявляли, что во время революции им никто не помогал в борьбе с буржуями, «а на оборот – на нас же войной все пошли. Пускай они и бастуют и сами со своими буржуями разделяются, а то вот мы за них отдуваемся» [8, л. 365].

Думается, что общее отношение к сбору средств в пользу бастующих в Англии выразил крестьянин деревни Гальково Вяземского уезда Смоленской губернии, который на собрании заявил: «Опять крестьяне помогай, запрягли в плуг, теперь начинайте отнимать последние соки». Такое мнение было солидарно поддержано собравшимися [8, л. 314].

Еще одним мотивом отрицательного отношения к событиям в Англии являлось мнение о том, что забастовщики – это бездельники, не желающие работать. Такое мнение высказали в Юхновском уезде Калужской губернии лесник, член ВИКа Романов и некий Хитров: «На кой черт нам нужна Английская забастовка, не давать им никакой помощи, пусть работают» [9, л. 1118]. Англичанин, работавший на Кондровской фабрике, выражая свой протест против удержания из зарплаты денег в пользу горняков, прямо заявил администрации: «Я лентяям не могу давать помощи, а потому прошу деньги возвратить мне» [10, л. 140].

Итак, кампания по сбору средств в помощь бастующим, которая подавалась советским руководством как добровольные пожертвования в знак солидарности, в реальности вызывала ропот и недовольство среди различных слоев населения. Власти такие возражения понимали как «искривления и непонимания».

Охлаждение отношений СССР с Англией усилило ожидание войны. Многие понимали слабость СССР перед Англией и тем более перед лицом объединенной коалиции буржуазных государств. Слабость Советской России была для всех очевидной, а потому среди населения СССР было популярно мнение о стремлении СССР откупиться от буржуазных стран, которые могли осуществить нападение на СССР. Это суждение имело под собой основание, так как и среди правящей верхушки СССР имелись сторонники идеи «откупиться от войны» [22, с. 42]. Это прежде всего Сталин, Сокольников и Чичерин, исходившие из понимания военно-экономической неспособности СССР противостоять экономически более развитым странам Запада. Мысль «откупиться от войны» имела поддержку среди части населения, которая не хотела войны и была готова на многие материальные издержки и уступки лишь бы избежать участия в боевых действиях [23, с. 126].

Военно-экономическая отсталость СССР была настолько очевидна, что население страны не верило в возможность победы в будущей войне. Среди крестьян Дорогобужского уезда Смоленской губернии имели хождение слухи о том, что правительство СССР скупает свиней на всех рынках для того, чтобы отправкой их в Англию погасить перед ней долги и уладить конфликт. В других уездах Смоленской губернии крестьяне говорили, что все экспортное сырье Англия засчитывает в счет царских долгов за царские же деньги [8, л. 183; 21, л. 12].

Слух о стремлении СССР уладить конфликт мирным путем даже за счет поставок продовольствия и сырья был популярен и в рабочей среде. Так, осенью 1926 г. рабочие Калуги уверяли друг друга в том, что войны не будет, так как СССР отдал Польше и Англии за мир миллион пудов белой муки. Представление о слабости СССР в противостоянии с Польшей и Англией встречается довольно часто. Преобладало мнение, что на все претензии этих стран Советская власть готова откупиться, поступаясь даже своими святынями. Так, в деревне Степановская Пустошь Алексинского районного исполнительного комитета Я. А. Новиков рассказывал односельчанам, что на собрании в Петровском заводе говорили следующее: «Англия прислала рабочим СССР ультиматум с требованием забыть о праздновании Октябрьской годовщины у себя в России» [9, л. 967; 10, л. 80; 24, с. 563]. Крестьяне Брянской губернии, уверенные в неспособности СССР противостоять врагу, говорили, что в любом случае слабое правительство будет молчать: «Ему плюют в глаза, а оно говорит – божья роса», даже «если Англия потребует от Союза восстановления частной собственности, то на это он согласится, так как бессилен воевать, по бедности» [15, л. 16]. И как итог крестьянских представлений является мнение, что «вот когда Англия пойдет, да еще с ней в поддержку Америка, вот тогда поборись. Наверное, Советскому Союзу не существовать» [15, л. 20]. Таким образом, попытка «откупиться от войны» порождала в массовом сознании граждан мнение о неспособности советской власти устоять

перед лицом внешней угрозы и готовности советского руководства ради сохранения власти отказаться от завоеваний Октябрьской революции.

Итак, стремление руководства СССР использовать всеобщую стачку в Англии для раздувания пожара мировой революции и формирования положительного образа этого события в глазах граждан СССР оказалось не совсем удачным. Несмотря на массивную обработку населения, часть его вполне адекватно оценивала происходящее в далекой Англии и не поддавалась на агитационно-пропагандистские мероприятия власти. Более того, это событие показало, что население не только скептически отнеслось к формируемому образу как прологу революции в Англии, но и критически восприняло результаты правления большевиков, казавшихся неспособными отстоять завоеванное в октябре 1917 г.

Список литературы

1. **Суслопарова, Е. А.** Артур Кук – герой забастовки английских шахтеров 1926 года / Е. А. Суслопарова // Новая и новейшая история. – 2013. – № 3. – URL: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/34984702> (дата обращения: 03.03.2016).
2. **Майский, И. М.** Всеобщая стачка и борьба углекопов в Англии / И. М. Майский. – М., 1926.
3. **Лепешинская, А. В.** Английская всеобщая забастовка 1926 г. (опыт исследования) / А. В. Лепешинская. – М. ; Л., 1930.
4. **Гурович, П. В.** Всеобщая стачка в Англии в 1926 г. / П. В. Гурович. – М., 1959.
5. Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. – М., 2001.
6. Коминтерн и идея мировой революции. Документы / отв. ред. Я. С. Драбкин. – М., 1998.
7. **Трухановский, В. Г.** Новейшая история Англии / В. Г. Трухановский. – М., 1958.
8. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 3214.
9. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. П-1. Оп. 9. Д. 126.
10. ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 10. Д. 126.
11. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1727.
12. ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1286.
13. **Brooks, J.** Official Xenophobia and Popular Cosmopolitanism in Early Soviet Russia / J. Brooks // American Historical Review. – 1992. – Vol. 97, № 5.
14. ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1751.
15. ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1678.
16. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 2. 1923–1929. – М., 2000.
17. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 4. Ч. 2. 1926 г. – М., 2001.
18. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 4. Ч. 1. 1926 г. – М., 2001.
19. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2711.
20. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1954.
21. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3010.
22. **Кэн, О. Н.** Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) / О. Н. Кэн. – М., 2008.

23. Голубев, А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. / А. В. Голубев. – М., 2008.
24. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 5. 1927 г. – М., 2003.

References

1. Susloparova E. A. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New age and contemporary history]. 2013, no. 3. Available at: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/34984702> (accessed March 3, 2016).
2. Mayskiy I. M. *Vseobshchaya stachka i bor'ba uglekopov v Anglii* [The General strike and the struggle of coalminers in England]. Moscow, 1926.
3. Lepeshinskaya A. V. *Angliyskaya vseobshchaya zabastovka 1926 g. (opyt issledovaniya)* [The English General strike of 1926 (research experience)]. Moscow; Leningrad, 1930.
4. Gurovich P. V. *Vseobshchaya stachka v Anglii v 1926 g.* [The General strike in England in 1926]. Moscow, 1959.
5. *Politbyuro TsK RKP (b) – VKP (b) i Evropa. Resheniya «osoboy papki». 1923–1939* [The Political Bureau of CC RCP(b) and Europe. Decisions from the “special folder”. 1923–1939]. Moscow, 2001.
6. *Komintern i ideya mirovoy revolyutsii. Dokumenty* [Comintern and the idea of world revolution]. Ed. by Ya. S. Drabkin. Moscow, 1998.
7. Trukhanovskiy V. G. *Noveyshaya istoriya Anglii* [The contemporary history of England]. Moscow, 1958.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Smolenskoy oblasti (GANISO)* [State Archive of Contemporary History of Smolensk Region (GANISO)]. F. 3. Op. 1. D. 3214.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv dokumentov noveyshey istorii Kaluzhskoy oblasti (GADNIKO)* [State Archive of Documents of Contemporary History of Kaluga Region (GADNIKO)]. F. P-1. Op. 9. D. 126.
10. *GADNIKO*. F. P-1. Op. 10. D. 126.
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Bryanskoy oblasti (GABO)* [State Archive of Bryansk Region (GABO)]. F. P-1. Op. 1. D. 1727.
12. *GABO*. F. P-1. Op. 1. D. 1286.
13. Brooks J. *American Historical Review*. 1992, vol. 97, no. 5.
14. *GABO*. F. P-1. Op. 1. D. 1751.
15. *GABO*. F. P-1. Op. 1. D. 1678.
16. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy: v 4 t. T. 2. 1923–1929* [The Soviet village in the view of VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials]. Moscow, 2000.
17. «Sovershenno sekretno»: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 g.). T. 4. Ch. 2. 1926 g.* [“Top secret”: Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922–1934). Vol. 4. Part 2. 1926]. Moscow, 2001.
18. «Sovershenno sekretno»: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 g.). T. 4. Ch. 1. 1926 g.* [“Top secret”: Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922–1934). Vol. 4. Part 1. 1926]. Moscow, 2001.
19. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 2711.
20. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 1954.
21. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 3010.
22. Ken O. N. *Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konets 1920-kh – seredina 1930-kh gg.)* [Mobilization planning and political decisions (late 1920s – middle 1930s)]. Moscow, 2008.
23. Golubev A. V. «*Esli mir obrushitsya na nashu Respubliku*»: *Sovetskoe obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1920–1940-e gg.* [“If the world crashes on our republic”: The soviet society and external threat in 1920–1940s]. Moscow, 2008.

24. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 g.). T. 5. 1927 g. [“Top secret”: Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922–1934). Vol. 5. 1927]. Moscow, 2003.

Брянцев Михаил Васильевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, Брянский
государственный университет
им. академика И. Г. Петровского
(Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14)

E-mail: bmwbox@mail.ru

Bryantsev Mikhail Vasilyevich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of state and law
theory and history, Bryansk State University
named after academician I. G. Petrovsky
(14 Bezhitskaya street, Bryansk, Russia)

УДК 94(47).084.5

Брянцев, М. В.

Английская Всеобщая стачка 1926 г. в оценке населения советской России / М. В. Брянцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 72–82. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-7